

Знакомство с современной литературой стоит начать с эссе замечательного филолога М.Н. Эпштейна, который предлагает нам задуматься над тем, какое имя дать ушедшему веку, а какое – наступившему. Учителям рекомендуется его использовать в начале курса литературы в 11 классе.

Михаил Наумович Эпштейн
(р. 1950 г.)

Родился в Москве. Окончил филологический факультет МГУ. С 1978 г. – член Союза писателей. Автор более 33 книг и более 700 статей и эссе, переведённых на 23 иностранных языка.

В 1970-е годы участвовал в работе сектора теоретических проблем Института мировой литературы (Москва) и преподавал литературу в московских вузах.

В 1980-е годы – основатель и руководитель междисциплинарных объединений московской гуманитарной интеллигенции: «Клуб эссеистов», «Образ и мысль» и «Лаборатория современной культуры».

С 1990 г. живет и работает в США. Профессор университета Эмори с 1990 г. Основные курсы: «Западный и русский постмодернизм», «Семиотика и поэтика», «Введение в теорию литературы», «Религия и философия в России», «Достоевский», «Глобальная культура и будущее гуманитарных наук».

Член российского Пен-клуба и Академии российской современной словесности.

Соредактор журналов [«Symposion. A Journal of Russian Thought»](#) (США) и [«Веер будущихостей. Техно-гуманитарный вестник»](#) и книжной серии «Тела мысли» (изд. Алетейя, СПб); член редколлегии журналов [«Common Knowledge»](#) (США) и [«Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge»](#) (США).

Лауреат премий Андрея Белого (1991); журнала «Звезда» (1999); «Liberty» (Нью-Йорк, 2000). Призер международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999) и стипендиат Фонда веймарской классики (2000).

Автор сетевых проектов и сайтов:

- [ИнтеЛнет](#)
- [Виртуальная библиотека Михаила Эпштейна](#) (книги, статьи, проекты, интервью)
- [Дар слова. Еженедельный лексикон](#)
- [Веер будущихостей. Техно-гуманитарный вестник](#)
- [Книга книг: Словарь-антология альтернативного мышления](#) и др.

Ведущий и автор рубрик «Философский комментарий» и «Приключения идей» в журнале «Звезда» (2006 и 2014-2017). Публицистические статьи и эссе публикуются в «Новой газете», «Независимой газете», «Частном корреспонденте», «Снобе» и других изданиях. Автор популярных блогов в [«Фейсбуке»](#) (12 тыс. друзей и подписчиков) и [«Живом журнале»](#).

Автор инициативы празднования Дня интеллектуала 21 апреля (этот день неофициально отмечается с 1998 года) Инициатор и куратор конкурсов «Слово года» и «Неологизм года», проводимых в России с 2007.

Критик В.Н. Курицын об Эпштейне

Тихий человек с бородой и пятью детьми, говорит как-то: «Теперь есть Интернет, а потому не нужны будут наркотики», живет в черной жаркой Атланте и сидит в Сети, а когда-то жил в Москве, руководил интеллектуальным клубом «Образ и мысль» и был буен.

Теоретик всего и вся, один из первых людей, описавших по-русски литературные постмодернизм-концептуализм, автор концепций «лирического музея» (это когда всякая вещь достойна вечной памяти постольку, поскольку нагружена эмоциями тех, кто с ней соприкасался), книги о шестнадцати придуманных религиозных сектах, исследования о пейзажных образах в русской поэзии (весна чаще всего поминается у Фета, лето у Пастернака, закат у Блока, полдень у Тютчева, сосулька у Евтушенко, луна у Есенина, хотя последнее мне лично кажется странным) и миллиона других текстов: все, впрочем, он выставил в паутину в своей Книге Книг. В философствовании - прелестном, пока дело не доходит до выводов - склонен к постылым бинарностям, в эссеистике - к нудному поучительству, во всем - к излишне тщательному разжевыванию, что не мешает мысли его быть воздушной-блестящей-любимой.

Книги

1. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. - М., Советский писатель, 1988.
2. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. - М., 1990.
3. Новое сектантство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970-1980-е годы. - М., Лабиринт, 1994.
4. Великая Сось. Философско-мифологический очерк. - Нью-Йорк, 1994.
5. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. Тенафли (Нью Джерси, США), 1992, 1994.
6. На границах культур: российское - американское - советское. - Нью-Йорк, 1995.
7. Бог деталей. Народная душа и частная жизнь в России на исходе империи (Серия «Классика XXI века»). - М., 1998.
8. Постмодерн в России: литература и теория. - Москва, 2000.
9. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. - СПб, 2001.
10. Отцовство. Метафизический дневник. - СПб., 2003.
11. Клейкие листочки. Мысли вразброс и вопреки. М., 2014.
12. Ирония идеала: Парадоксы русской литературы. М., 2015.

13. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М., 2016.
14. Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб, 2016.
15. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017.
16. Энциклопедия юности (совместно с Сергеем Юрьененом). М., 2017.

Имя века

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки?..

Осип Мандельштам. Век.

- Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя!

Осип Мандельштам.

...Как тельце маленькое крылышком...

1.

На исходе нашего века пора дать ему имя, хотя бы лишь для того, чтобы обозначить меру его обжитости (и изжитости!). Ведь не ходить же ему вечно в шеренге под номером XX - хотя была бы заслуженной и такая месть веку, превратившему миллионы своих сыновей в лагерную пыль, в числовой ряд, в шеренгу без имен. Но о покойном - либо хорошо, либо ничего, а ведь век уже тяжело дышит на смертном одре. Дать веку имя - значит, достойно его завершить, вежливо распрощаться - и приготовить покойника ко встрече с памятью потомков, с будущими судьями и исследователями.

Какое же имя пристало нашему веку? Можно ли слить в единое слово нашу печаль и восхищение, проклятие и благодарность? Устойчивые эпитеты: «атомный», «ядерный», «космический», «компьютерный», «революционный», «век масс», «век спорта», «век электроники», «век генетики», «век кибернетики», «век скоростей», «век технологий», «век научно-технической революции», «век мировых войн», «век Освенцима и Хиросимы» - оказываются сомнительны не только потому, что многие из них уже превратились в газетные штампы, но и потому, что характеризуют только частичные достижения или провалы нашего века. Есть ли нечто, что объединяет расщепление атома и покорение космоса, патетику социальных революций и трагедию лагерей смерти?

Если недостаток одних определений - частичность, то других - чрезмерность. Так, определение «век революций» или «революционный век» представляется вполне удачным, имея в виду «перевороты» XX века почти в каждой области: научно-техническая, социальная, национальная, антиколониальная, сексуальная революции... Но если вспомнить, что великие революции - в Америке, во Франции - вспыхнули уже на исходе XVIII века, дополненные - а отчасти и предвосхищенные - кантовской революцией в философии, которая в свою очередь вдохновлялась коперниковской револю-

цией в науке XVI века, то признак «революционности» оказывается для XX века недостаточно специфическим. Да и революционной была в основном первая половина XX века, а вторая определяется скорее реакциями против этих революций, постмодерным сглаживанием противоречий, устранением иерархии «верха и низа», внутри которой только и может действовать модель «переворота»...

Недавно британские лексикографы попытались подобрать для каждого года XX века одно ключевое слова, которое определяло бы его «злобу», звучало бы как лозунг или кличка. Получилась картина очень пестрая и скорее печальная - в лексиконе века преобладают темные краски. Конечно, британская специфика накладывает свою печать: для них 1905 год - это «Шин Фейн», а для россиян - «Кровавое воскресенье». Но вот несколько штрихов к портрету века - глазами британцев:

1905 - «Шин Фейн» (ирландская националистическая организация);

1911 - воздушные налеты (первое боевое крещение авиации в италяно-турецкой войне);

1917 - Чека;

1933 - Гестапо;

1936 - Микки-Маус;

1940 - джип;

1941 - радар;

1944 - самолет-снаряд;

1949 - Большой Брат;

1953 - рок-н-рол;

1965 - мини-юбка;

1972 - Уотергейт;

1983 - СПИД;

1991 - этническая чистка.

Из этих годовых колец и наслаивается могучий ствол века, запечатлевший на своем срезе всю силу исторических ветров... И все-таки вряд ли целостная картина XX века может сложиться из таких точечных словесных мазков. Для этого нужен частотно-семиотический анализ всех слов и их пересекающихся значений - да и что выдал бы в итоге их сложения компьютерный мозг? Быть может, синтетическое определение века выглядело бы как «Микки-Чека» или «Рок-Гестапо».

Если не синтезировать годовые дефиниции, а попытаться найти единственное слово, которое наиболее бы отвечало характеру этого века, я бы предложил *the century of power*. Слову *power* трудно подобрать однозначный эквивалент в русском языке, оно означает: сила, способность, власть, могущество, мощь, полномочие, держава, энергия, электричество. Что меня особенно привлекает в этом слове и почему я номинирую его на высокое звание «титула века» (или хотя бы «клички века») - это сочетание политических и технических аспектов могущества: власти и энергии. По-английски такие разные слова, как «сверхдержава» («*superpower*») и

«электростанция» («power plant»), имеют общий корень - «power». XX - это век сверхдержав и электростанций: энергия политической власти, которая пытается зажать целый мир в один кулак (немецкий, российский, американский) - и власть технических энергий, которые расщепляют ядро атома и посылают ракеты на край солнечной системы. Двадцатый век - это технология власти и власть технологии, что, кстати, точно отпечаталось и в ленинской формуле: «коммунизм = советская власть + электрификация всей страны...»

Власть + энергия - это формула не только провалившегося коммунизма, но и всего XX века, как ни удивительно, дожившего до благополучной кончины «по старости». Силы общества, брошенные на овладение природой... И силы природы, брошенные на овладение обществом. Двадцатый - это потентно-патентный век, который к потенции насильника добавляет патент изобретателя. Век Иосифа Сталина и Нильса Бора - «сталеборный век». Воля, которая мерится в вольтах... И любовь политических элит к электричеству, подзаправка власти энергией атома...

Двадцатый - век не только энергий, но и век масс, которые с небывалой широтой вливаются в жерла истории, становясь пушечным мясом, орущей и орудийной плотью, заполняющей трибуны стадионов и лагеря смерти, Лужники и Гулаги... По формуле Эйнштейна, связующей массу и энергию, классовое расщепление и новый синтез масс, - это самый мощный источник энергии, добываемых властью из природы и общества.

Если попытаться все же и по-русски определить XX век одним словом, то «власть», «энергия», «могущество», «держава» окажутся мощностями, т. е. подразделениями одной категории: мощи. И тогда наикратчайшее определение нашего века дал Велимир Хлебников:

Но вот Эм шагает в область сильного слова «Могу».

Слушайте, слушайте моговест мощи!

Век мощи и мощностей. Не только «моговест», но и моговек, прошедший под кличем-заклинанием «моги! могой! можествуй!»:

Могун, я могою!

Моглец, я могу! Могой, я могою!

Могой, мое я...

Шагай, могоч! Руки! Руки!..

Могарные, можеские, могунные,

Могесные, возможные, моговые!

«Могесный», «можный», «моговый» век. Кстати, имена обоих определителей - и Владимира Ленина, и Велимира Хлебникова - тоже просятся в определение нашего века. Хлебников сам выбрал себе имя, созвучное «сильному слову „Могу»». Можно было бы присвоить XX красочный титул «век-велимир» или «век-владимир» которое звучит ничуть не хуже, чем отчеканенное Мандельштамом «век-волкодав» - а по сути, почти синонимично ему. Что для жрецов этого века было «велимир» или «Владимир», то для его жертв - «волкодав».

Итак, велимирствующий (повелевающий миру) и владимирствующий (овладевающий миром) XX век скорее всего войдет в историю с пометой «М»: мощь, могу. И по этой метке его легко будет отличить от века «П» - XVIII и века «Р» - XIX. Постараемся вникнуть в логику этого перехода.

Век Просвещения установил господство разума, отбросил аристократические привилегии и религиозные суеверия прежних веков. Правда, XVIII век еще не удержался от последнего суеверия, от рационализма, от наивного культа самого разума. Век XIX исправил эту ошибку, поставив разум в зависимость от реальности и на службу ей. Реальность и соответственно реализм - вот ключевое слово века «Р», XIX. Белинский в одном из предсмертных писем клянется, что за понятие реальности он готов заложить душу, что для него нет ничего святее действительности как она есть - и к дьяволу идеалы! Поэзия, романы, эстетика - и те стали в XIX веке «реальными», не говоря уж об основе реалитета - триумфальном шествии Науки. Дарвинизм, детерминизм, среда, организм, физиология, фотография, реализм, натурализм, позитивизм (он же нигилизм), - казалось, все пути отступления от реальности отрезаны, в старое мистическое белое «идеалов» возврата больше нет...

Трудно понять, как из такого трезвейшего преклонения перед есть (в обоих смыслах: «кушать» и «быть») могло вдруг вырасти бешеное могу, застилающее кровью глаза. Но мочь исподволь прорастало сквозь быть - и научнейшие расчеты вдруг подводили к тому, что именно знание сущего и дает власть над ним. От дарвинизма до социал-дарвинизма, от теории естественного отбора до простого соображения, что раз выживает сильнейший, то лучше им буду я, - всего один шаг, один поворот мозговой извилины. Землю наследует всемогущая раса господ или мускулистый класс бедняков.

Как просветительский разум, возвысившись до понятия реальности, переступил через себя и отбросил рационализм, - так новая культура реальности быстро переросла себя и отбросила реализм в пользу более экономных и энергичных форм могущества, волевого строительства реальности вместо рабского подчинения ей. Ницше к концу своей сознательной жизни мучился, что он всего лишь жалкий филолог, тогда как нужно быть биологом, сверх-Дарвином, выводить новую расу господ, создавать организм сверхчеловека...

Но эта сверхбиология обернулась, в сущности, все той же филологией - мечтой о слове-заклятии, об идеологии, которая творит новый сильный мир. Идеология - это филология, проникнутая волей к власти. Мистицизм вернулся - но уже как небывалый активизм, как мистика самообожествления человека. Благовест сменился моговостом.

3.

Так в утробе Реальности зародился пожирающий ее зверь - Власти-Энергии. Бросим теперь взгляд вперед. Не вызревает ли уже сейчас в утробе отходящего века зародыш века грядущего - и как нам окрестить его в момент

рождения? Ведь и у века, и тысячелетия быстрые роды, день которых уже вписан в наш текущий календарь.

Есть хорошая новость: XXI век обещает быть виртуальным - веком «В».

Умножив свою мощь до небывалых размеров, XX век превзошел пределы того мира, для которого может понадобиться такая мощь. Нужно ли наращивать термоядерную энергию, если ею уже многократно можно взорвать всю планету? Владеть земным шаром, его природными и людскими ресурсами - выгодно и почетно, но маловато для разыгравшегося воображения, для неутолимого аппетита власти, для трансглобализма, воли к покорению новых миров. Не обидно ли ползать по маленькому шарикуну, затерянному на окраине космоса, в медвежьем углу захолустной галактики? - в то время как, по новейшим научным данным, рядом проносятся неопознанные Вселенные, вход в которые - то ли через черную дыру, то ли через электрон, то ли через экран компьютера, то ли - ближе и скорее всего - через щелку собственного «я». Жаль упустить самое интересное, мирообъемлющее, в погоне за еще одним кусочком нефтеналивной пустыни или алмазгорассыпчатой мерзлоты.

Нет сомнения, что и в XXI веке научно-технические и общественно-политические мощности будут возрастать - но при этом они будут служить уже не столько покорению, сколько «прошибанию» реальности, проникновению в иные измерения и миры. Ведь и в XX веке не прекратилось, а, наоборот, многократно расширилось научное познание реальности по сравнению с XIX, - но никак нельзя сказать, что в XX торжествует реализм, уважение к реальности как таковой. Познание реальности продолжилось - но стало служить другой, властной цели.

Так и в XXI веке продолжится нарастание мощностей, но они уже будут служить другой цели - не режима власти, а освоения других измерений времени и пространства.

Власть, достигая пределов мира, нуждается в чем-то другом, в умножении самих миров. Тем более что и квантовая, и компьютерная механика, каждая на свой лад, говорят о параллельных мирах. Возможных. Вероятностных. Виртуальных. Так начинается век «В». Из Мощи рождается новая форма ее самоутверждения - деятельная Возможность, Овозможение бытия. Воз-мож-ность, как подсказывает само слово, - это возгонка мощи, ее восхождение на головокружительную высоту, выход за пределы реальности, данной нам в ощущениях (вместо унылого и, как мы уже убедились, саморазрушительного овладения ею). Могу, преодолевая себя, переходит в слабое, но бесконечно притягательное может быть. На смену мощностей приходят возможности, Могуест Мощи заглушается Можевестом Возможностей.

Мощь - это высшая степень потентности бытия, но за границей потентности возникает новое качество: потенциальность. Потентность - низшая форма потенциальности. Зачем быть властелином одного мира, если можно быть создателем многих миров? Мощь - лишь капля в океане возможностей, робкая, примитивная форма можествования, сильная

возможность; в рабстве у еще более сильной действительности. Потентность ограничена тем, что я могу сделать; потенциальность - прорыв в иное измерение: чем я могу быть. Стремление к мощи происходит от бытийного дефицита, нехватки реальностей. Если есть только одна реальность, то в ней только один может властвовать над другими, быть сильным за счет других. Но где умножаются реальности, там расплывается категория власти: каждый создает себе «самый свой» из возможных миров. «В» - знак бесконечного переплетения разных реальностей...

Новый Век вплетается в петельки В,
Закруживаясь в бесконечность,
Где властвует только Возможность.

Вероятно, XXI век будет веком виртуальности, не только в плане электронно-компьютерной техники, но и в смысле умножения альтернативных способов существования, виртуальных теорий, практик и сообществ. Виртуальные города, университеты, магазины, парламенты, правительства, выборы...

Хотелось бы предложить знаковый жест XXI века, по которому странники виртуальных миров могут опознать друг друга в реале, «оффлайн», приземлившись где-нибудь в пространстве комнаты, улицы, заседания, вечеринки.

Как им выразить свою принадлежность к иным мирам, свою посвященность в мистирию Сети?

Я бы предложил знак, похожий на букву V, знак победы, но к двум поднятым пальцам, указательному и среднему, добавляется безымянный. Три расставленных пальца образуют букву W - знак World Wide Web. Сеть-на-весь-Свет. W - это как бы два V, соединение двух знаков победы. Следует пояснить, что W, дабл-ю - это двойное V не только визуально, но и исторически. Первоначально буква V (в) и буква U (ю) представляли вариации одного знака (оттого так похожи они своими начертаниями и стоят рядом в латинском алфавите и производных от него европейских). Дабл-ю - это двойное V, и в каком-то смысле Сеть - это двойная победа, не просто победа внутри реальности, которой добиваются политики, военные, финансисты и другие люди успеха... Это победа над самой реальностью, выход в виртуальное измерение. Виктория + виртуальность. Victory + virtuality = 2 V = W. Вскинув вверх три пальца, мы приветствуем виртуалов, двойных победителей...

Дальше века «В» вряд ли сейчас дано заглянуть нашему воображению. Но если XXI век и впрямь станет веком размноженных измерений, развернутого веера возможностей, быстро плодящихся друг от друга информационных копий, электронных двойников, множественных миров, веком «кло(у)нады» [3] и психических симуляций - тогда задается и определение XXII века, где каждому будет предоставлена возможность отдельного мира: век «О». Век отчуждения, отрешенности, одиночества.

* * *

Предлагаю читателям выбрать - или предложить - достойные названия уходящему веку и веку наступающему: имя-приговор и имя-предсказание. Титул XX века должен состоять из одного слова (или словосочетания), с соответствующей номинацией-мотивацией.

Вот список имен XX века, которые мне представляются самыми конкурентоспособными:

Century of Power.

Век власти-энергии.

Потентно-патентный век.

Век Мощи.

Век мощностей.

Век революций.

Век технологий.

Век скоростей.

Век масс.

Век дегуманизации.

Век глобализации.

Век экспансий.

Век медиа.

Космический век.

Ядерный век.

Электровек

(электрический + электронный).

Век воли-вольтажа.

Век-владимир.

Век-велимир.

Век-апокалипсис.

Список предлагаемых имен-предсказаний XXI века гораздо короче:

Виртуальный век.

Век иных измерений.

Век альтернатив.

Век потенциальности.

Век психореальности.

Век-имагинариум.

Век кло(у)нады.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы считаете, почему М.Н. Эпштейн в качестве эпитафии предлагает слова Осипа Мандельштама?
2. Почему важно дать имя веку?
3. С какими событиями у вас ассоциируется XX век? По аналогии с британской создайте свою хронологию.
4. Дайте свое определение-имя ушедшему и наступившему столетию.